

СТОИТ ЛИ РАЗБРАСЫВАТЬСЯ “ПОКОЛЕНИЯМИ” И ВСЕ ЛИ, ЧТО ПОМЕЩАЕТСЯ В НАШЕЙ ГОЛОВЕ, ЕСТЬ “ПАМЯТЬ”?

Организаторы международной конференции «Работа над прошлым»: XX век в памяти и коммуникации послевоенных поколений Германии и России», которая прошла в Челябинске в сентябре 2012 г.: Центр культурно-исторических исследований (ЦКИИ) Южно-Уральского государственного университета (ЮУрГУ, Челябинск), Рабочая группа российских историков-германистов (Москва), Германский исторический институт в Москве, Германно-российский музей “Берлин – Карлсхорст”, Московское представительство фонда им. Конрада Аденауэра, Федеральный фонд изучения диктатуры СЕПГ (Берлин) и Академия политического образования (Тутцинг).

Докладчики и участники дискуссий подошли к проблеме с разных исследовательских полей, попытались определить смысловые инварианты концепта памяти (как исторической, так и личной биографической) и концепта поколения, обозначить их рабочий потенциал, границы применимости, а также способы и перспективы их использования.

Открывая первую, методологическую, секцию Ульрике Юрайт (Гамбургский институт социальных исследований) представила экскурс в историю и контекст возникновения “поколения” как концепта, во-первых, предназначенного покрыть зоны, лежащие вне сферы действия понятий “класс”, “слои” или “гендер”, во-вторых, актуализированного кризисом идентичности и необходимостью преодоления травматического опыта, связанного с событиями “большой истории” XX столетия. Поддавшись соблазну наиболее простого – т.е. осуществимого в привычном социологическом развороте – использования этого понятия, исследователи сегодня оказались перед опасностью потерять из виду те задачи, для решения которых оно изначально задумывалось, низвести “поколение” до уровня еще одной социальной группы, сивелировав его уникальный смысл. Это “воображаемое сообщество”, неразрывно связанное общностью “памяти”, с опытом переживания “вины” или “оправдания”. Последний сюжет послужил темой для плодотворных размышлений Ю.Ю. Хмельевской (ЦКИИ ЮУрГУ) о “генерирующей” роли поколения в процессе производства “памяти”, а затем получил свое развитие у Беньямина Мёкеля (Университет г. Гёттинген), избравшего для своего анализа «Поколение “45-го” как сообщество воспоминаний».

Что касается субъективного ощущения собственной принадлежности к тому или

иному “поколению”, то оно может быть как декларируемым, так и латентным, а отношения между поколениями выглядят как растянутый во времени завуалированный диалог. Это наглядно показала В.С. Дубина (Российский государственный гуманитарный университет) на примере трех мемуаристов, деда, сына и внука, из семьи баронов фон Розен.

Т.Ю. Тимофеева (МГУ), посвятив свое выступление “войне памяти о Второй мировой войне в ФРГ и СССР”, начала с того, что справедливо указала на несовершенства концепта “памяти” в том виде, в каком он используется сегодня в гуманитарных науках. Остановившись далее на понятии “жертвы” – ключевом для драматических событий XX столетия и, в частности, для восприятия войны (обеими сторонами как в СССР, так и ФРГ) – она провела важное разделение между двумя его значениями: страдательно-пассивным и добровольно-героическим. Оба значения в разной последовательности и в разных контекстах использовались Советским Союзом и Западной Германией для конструирования памяти о войне. Ситуация с культивированием “комплекса вины” в Германии дополняется культивированием “комплекса Холокоста” (и, добавим, “жертвы” в памяти российского общества). На правовых и институциональных аспектах преодоления последствий Второй мировой войны остановилась в своем докладе Керстин фон Линген (Университет г. Гейдельберга).

Как именно меняется память от поколения к поколению, от одного политического курса до другого, успешно продемонстрировала Г.Г. Гринченко (Харьковский национальный университет им. Каразина). Ее выступление было посвящено формированию в публичном пространстве советской и постсоветской Украины памяти о принудительном труде в нацистской Германии. Сложную игру памяти – перемешивающей индивидуальное и коллективное, пластично прогибающейся перед сиюминутными политическими заказами и одновременно наделенную удивительно стойким сопротивлением к ним – отразил доклад И.В. Ребровой (Кубанский государственный технологический университет, Краснодар), сделанный по результатам устных интервью с “детьми войны”, а также базирующийся на проделанной автором работе по организации тематических встреч между представителями разных поколений (“дедов” и “внуков”).

О собственном опыте по созданию образов памяти (в виде экспозиции и выставок о Вто-

рой мировой войне), а также о неоднозначной реакции посетителей на эти образы рассказал и директор Германо-русского музея “Берлин – Карлхорст” Й. Морре. Презентация подготовленной этим музеем выставки (“Июнь 1941. На изломе”) предшествовала началу конференции и во многом определила ее тон.

Память как конструируемое пространство, а также скрытые и явные, сознательные и бессознательные, индивидуальные и коллективные механизмы ее конструирования составили предмет выступления Р.С. Черепановой (ЮУрГУ).

Второй день конференции открылся обсуждением различных аспектов беллетризации-фикционализации-мифологизации прошлого в мемуарной и околемуарной литературе разных лет и поколений. Значимость персоны автора подчеркнула, с отсылкой к М. Бахтину, Т.А. Круглова (Уральский государственный университет, Екатеринбург). Выделив шесть литературных поколений: “классических советских людей” (1912–1928 гг. рождения), “шестидесятников”, “не вполне советских людей” 1970-х и начала 1980-х годов, “позднесоветских людей” середины 1980-х, “нынешних 30-летних” и поколение “родившихся в перестройку”, докладчица поставила своей задачей описать особенности эстетической рецепции и отношения к прошлому, характерные для каждой генерации.

Исследователи К. Зина (Университет г. Гёттингена) и И. Ирзиглер (Университет г. Киля) представили отражение темы Второй мировой войны в послевоенной немецкой литературе – тема, малознакомая и оттого особенно интересная российской слушателью и читателю. К не менее интересному феномену – распространённой коммуникации поколений “через одно” – привлек внимание коллег И.В. Нарский (ЦК ИИ ЮУрГУ), увязав это явление с травматическими событиями “большой истории” (провоцирующими разрывы между ближайшими поколениями – “отцов” и “детей”), в то время как в отношениях “через раз” всегда присутствует провоцирующая беллетризацию прошлого недоговоренность.

Вторая секция второго дня была посвящена “местам памяти” и их поколенческой идентичности. О.Ю. Никонова (ЦК ИИ ЮУрГУ), беря за основу материалы официальных дискурсов, сосредоточилась на “восприятии городской повседневности двумя поколениями челябинцев (на примере послевоенного периода)”. О.С. Нагорная (Южно-Уральский институт управления и экономики, Челябинск) рассуждала о возможностях и перспективах анализа автобиографических текстов, рожденных в кругу бывших восточногерманских студентов,

с помощью концептов “памяти” и “поколения”, остановившись, помимо прочего, на проблеме “преодоления вины” в памяти немцев ГДР.

В свою очередь, М. Габович (Эйнштейновский форум, Потсдам) провел параллели между известными, шумными, но с профессиональной точки зрения ныне оцениваемыми как достаточно поверхностные, “перестроечными” дискуссиями советских историков и проделанной в Германии работой по преодолению нацистского прошлого. А.А. Фокин (Челябинский государственный университет), рассказал о “проекте СССР”, созданном Интернет-пользователями.

А.Ю. Ватлин (МГУ, Рабочая группа российских историков-германистов) сосредоточился на определении ключевых характеристик поколения перестройки, расширив его ряды от тогдашних “30-летних” до тогдашних “50-летних”, с включением “пенсионеров” и “молодежи”. Оригинальный разворот темы 30–40-летних интеллектуалов “позднесоветской закваски”, пребывающих в состоянии между ностальгией и космополитизмом, как современных “культуртрегеров” представила Е.Г. Трубина (Уральский государственный университет, Екатеринбург). Столь же интересной выглядела попытка М. Майера (Академии политического образования, г. Тутцинг) представить восточную политику Западной Германии как “вопрос поколений”.

Наконец, кульминацией конференции стали выступления самых “возрастных” ее участников: М. Вильке (Берлин) – о восприятии левых идей и левого движения в ФРГ молодежью первых послевоенных десятилетий, и А.Б. Цфасмана (Росток-Челябинск) – о событиях Второй мировой войны в памяти детей из еврейских семей бывшего СССР. В каждом из этих докладов профессиональный взгляд историка сочетался с глубоко личной рефлексией собственного жизненного опыта, обнимающего и войну, и тоталитарные диктатуры, и их последующее преодоление. Этот субъективный, эмоциональный компонент не только придавал заключительным докладам особую силу и выразительность, но и обозначил основные векторы подиумной дискуссии.

Прежде всего обсуждению подверглась сама возможность (а, по мнению значительной части аудитории, опасность) для исследователя говорить от имени поколения. С одной стороны, действительно, поколение – как и другие “воображаемые” категории – в значительной степени определяется именно моментом самоидентификации; очевидно также, что объединение в поколение (как и размежевание между ними) происходит по отношению к некоему “тексту” или комплексу “текстов” (в самом

широком смысле), и здесь опыт исследователя по пребыванию “внутри” какой-то культурно-текстовой общности вполне может быть востребованным и продуктивным. С другой – исследователь оказывается перед неизбежностью производства двойных конструктов; то, что он создает, претендует быть и источником, и исследованием одновременно, однако не становится в полной мере ни тем, ни другим. Кроме того, как отметили участники дискуссии, использование концептов “поколение” и “память” имеет и специфические дискурсивные риски: следуя за устоявшимися речевыми практиками, они заступают в пространство морализаторской публицистики или откровенно политизированной риторики. Для разрешения этих и некоторых других затруднений У. Юрайт и К. фон Линген предложили использовать при анализе поколенческой памяти дополнительные опции и перспективы.

В любом случае, очевидно, что работа с концептом “поколения” в том виде, в каком

он сегодня существует, должна вестись взвешенно и аккуратно. “Поколенческая память”, в свою очередь, требует от исследователя еще большей ответственности и осторожности. Она не сводится к поколенческой самоидентификации или коммуникативной памяти, и едва ли разделяется всеми представителями поколения в одинаковой степени. Не все, что человек помнит о прошлом, является памятью поколения; не каждый конфликт старших и младших можно считать поколенческим конфликтом, и не каждый акт межвозрастного и межкультурного сотрудничества и передачи опыта – примером преемственности и передачи памяти поколений.

Иначе говоря, не стоит разбрасываться “поколениями” и “памятью”. Во всех смыслах. Возможно, в этом и заключается универсальный и интегративный итог челябинской конференции.

Р.С. Черепанова

К 95-летию ЯКОВА САМОЙЛОВИЧА ДРАБКИНА

Научное сообщество России и Германии отмечает 95-летие крупнейшего отечественного ученого – доктора исторических наук, профессора Якова Самойловича Драбкина – Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, научного руководителя Центра германских исторических исследований Института всеобщей истории РАН, члена Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений.

В жизни Якова Самойловича воедино связаны прошлое и настоящее России и Германии, судьбы нескольких поколений историков.

Я.С. Драбкин родился 25 апреля (8 мая по новому стилю) 1918 г. в Киеве. Учился в средней немецкой школе. Немецким языком Яков овладел отлично: это сослужило ему великую службу и в годы последующей учебы, и на войне, и в определении профиля исследовательской работы. После 7-го класса школу пришлось оставить и устраиваться на работу, а учиться заочно, на рабфаке Киевского индустриального института.

В 1936 г. Драбкин поступил на исторический факультет Московского государственно-го университета. Истфаковский набор 1936 г. был в МГУ третьим по счету после десятилетнего перерыва в высшем университетском историческом образовании. Ко времени уче-

бы на истфаке относится первая публикация будущего исследователя – статья о событиях в Вюрцбурге в период Великой крестьянской войны 1525 г. в Германии. Но научный интерес пытливого студента лежал в сфере новейшей германской истории. Проблематика была избрана бесспорно: Ноябрьская революция в Германии. Это было не только отзвуком тогдашней революционной романтики, но и поиском исторического обоснования жертвенности немецких героев-антифашистов, продолжавших дело людей из легенды – Розы Люксембург и Карла Либкнехта.

Последний государственный экзамен выпускники исторического факультета сдавали 25 июня 1941 г. – на четвертый день Великой Отечественной войны. Но для Якова и нескольких его ближайших друзей война началась на полтора года раньше. Добровольцами-лыжниками они ушли на войну с Финляндией и участвовали в боевых действиях. Уже в первый день Великой Отечественной войны Драбкин и его товарищи прорывались в приемные военкоматов и комитетов комсомола, рассчитывая немедленно попасть на фронт. Знающий немецкий язык выпускник истфака МГУ был направлен на Северо-Западный фронт в качестве политработника отдела, ведавшего “разложением войск противника”, а затем и секретаря